7. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 года № 218-З (ред. от 29.06.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30415161#pos=6;-106 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
8. О географических указаниях: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2002 года № 127-З (ред. от 18.12.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30539316 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
9. Об изменении законов: Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 275-З [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900275> Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
10. Профессионально об актуальном: Новая редакция Закона «О географических указаниях». Часть 1: Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/mart/47897/> Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
11. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 1 июля 1999 года № 409-І (ред. от 02.01.2021) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=1013880 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
12. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 года № 456-І (ред. от 21.01.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1014203 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
13. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 5 января 1998 года № 1 (Часть II) (ред. от 19.04.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30224035#pos=6;-106 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
14. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Кыргызской Республики от 14 января 1998 года № 7 (ред. от 23.03.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30223739 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
15. Об охране географических указаний, наименований мест происхождения и гарантированных традиционных продуктов: Законом Республики Молдова от 27 марта 2008 года №66-XVI (ред. от 24.05.2018) [Электронный ресурс] URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=24075 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Парламентская газета. 2006. № 214-215; Российская газета. 2019. № 158. (ред. от 30.12.2020).
17. О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 23.1 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции»: федер. закон от 26.07.2019 г. № 230-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2019. №30. Ст.4132.
18. Гражданский кодекс Кыргызской Республики от 1 марта 2005 года (Часть третья) (ред. от 03.07.2012) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30447965 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
19. О географических указаниях: Закон Республики Таджикистан от 5 марта 2007 года № 236 (ред. от 02.01.2019) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30593669 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).
20. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон Республики Узбекистан 30 августа 2001 года № 267-II (ред. от 05.10.2020) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30433212 Загл. с экрана. (дата обращения: 01.03.2021).

Обыденная А.И., Голенок С.Г.

Правовое регулирование смарт-контрактов в законодательстве Российской Федерации

*Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-241

Аннотация

Статья посвящена вопросам правового регулирования смарт-контрактов в ходе реформы, направленной на цифровизацию гражданского законодательства. В статье

рассматриваются общие перспективы внедрения смарт-контрактов в договорную практику Российской Федерации, новейшие изменения в законодательстве в области блокчейн и судебная практика по сделкам с использованием смарт-контрактов.

Ключевые слова: технология блокчейн, смарт-контракты, цифровые финансовые активы.

Abstract

This article is devoted to the issues of legal regulation of smart contracts in the course of the reform aimed at digitalizing civil legislation. The article discusses general prospects for the introduction of smart contracts into the contractual practice of the Russian Federation, the latest changes in blockchain legislation and court practice on transactions using smart contracts.

Key words: blockchain technology, smart contracts, digital financial assets.

В условиях развития цифровой экономики и информатизации общества смарт-контракты являются одной из наиболее впечатляющих правовых инноваций нашего времени. Цифровой аналог традиционного договора, самоисполняющийся договор, соглашение, которое невозможно нарушить, компьютерный алгоритм вместо посредников, судей и нотариусов - так обычно описывают эту новеллу эпохи цифровой экономики.

Безусловно, смарт-контракты открывают перед нами огромные возможности. Благодаря смарт-контрактам обязательства будут исполняться надлежащим образом, что позволит разгрузить суды и облегчить работу юристам, возможно даже полностью заменить их программистами. Сейчас сложно представить подобное положение вещей, но с внедрением смарт-контрактов в договорную практику, такое будущее вполне возможно.

В реальной жизни деятельность сторон периодически отклоняется от правового идеала. Это может происходить, например, из-за недобросовестного поведения сторон сделки или неверного понимания норм договора либо намеренного искажения их понимания.

Смарт-контракт поможет ограничить волю сторон сделки на стадии исполнения, сделать так, чтобы соблюдались условия, зафиксированные в договоре, которым будет следовать программный алгоритм. Это позволит избежать ошибок, связанных с человеческим фактором, аннулировать риски мошенничества и недобросовестного поведения сторон.

В результате, смарт-контракт минимизирует негативные последствия от неисполнения договора. Сокращает издержки, в том числе на судебные споры.

В мире всё активнее идёт формирование законодательной базы для регулирования смарт-контрактов. Есть и страны, которые занимают позицию, что новые технологии не требуют специального регулирования.

В России понятие «смарт-контракт» на сегодняшний день в законодательстве не определено. В ходе реформы, направленной на цифровизацию гражданского законодательства, были предприняты попытки дать смарт-контрактам легальное определение в профильном законодательстве в области блокчейн, но как показывает практика, до этого дело пока не дошло.

В законопроекте «О цифровых финансовых активах» (№ 419059-7), который направлен на регулирование отношений, возникающих при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов на территории Российской Федерации, предлагалось рассматривать смарт-контракт как новый вид договора, заключаемый в электронной форме.

В нем смарт-контракт определялся как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в

автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Защиту прав участников (сторон) смарт-контракта предполагалось осуществлять в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме[6].

Следовательно, в проекте закона «О цифровых финансовых активах» смарт-контракт рассматривался как разновидность договора. Однако такой подход к определению смарт-контракта не укладывается в классические представления о договоре. Так, с позиции традиционного для российской цивилистики понимания договора как соглашения сторон, такая дефиниция является весьма противоречивой.

Попытка законодательно определить понятие смарт-контракта была изложена с нарушением практически всех базовых принципов — смарт-контракт обозначен как новая, неизвестная сущность (электронная форма договора), технологически не нейтрален (привязан только к технологии распределённых реестров), обременен ненужными, второстепенными признаками.

Давая определение смарт-контракту, лучше описывать его технологически нейтральным — использовать метод описания сути отношений, а не внешних признаков. Такой сутью является автоматическое исполнение обязательств с помощью программного кода[9].

Поскольку рассмотрение смарт-контракта как договора является весьма спорным, с юридической точки зрения смарт-контракты могут рассматриваться как компьютерные протоколы, имитирующие логику договорных положений, являющиеся способом реализации соглашений между сторонами путем исполнения заложенного алгоритма, исключающего человеческий фактор.

Указанный законопроект до его принятия претерпел изменения, ограничив сферу действия закона оборотом токенов и других финансовых активов. Вступивший в силу с 1 января 2021 Федеральный закон №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], хоть и дает определения многим терминам в рамках блокчейна, само понятие «смарт-контракт» обходит. Видимо, законодатель отказался от отдельного регулирования смарт-контрактов в специальном законе.

С принятием Федерального закона от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[3], вступившего в силу с 1 октября 2019 года, сделки с использованием смарт-контрактов регулируется в общем порядке согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации.

Часть 2 ст. 309 ГК РФ дополнена новой нормой, которая определяет правовую природу смарт-контракта следующим образом: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (автоматизированное исполнение обязательства)»[1].

Как видно, хоть ст. 309 ГК РФ не оперирует термином «смарт-контракт», при этом новое правило ч. 2 ст. 309 ГК РФ, по мнению разработчиков данного закона, является достаточной нормой для применения смарт-контрактов, никаких иных норм не требуется[11].

Указанный нормативно-правовой акт впервые в истории российского гражданского права позитивировал цифровые права как новый объект гражданских прав, внес определенные коррективы в общие положения об исполнении обязательств, приравнял электронную форму сделки к письменной.

Таким образом, фиксация условий сделки в виде программного кода является разновидностью письменной формы. Такая фиксация позволит избежать ненужных споров о том, была ли заключена сделка, согласованы ли её условия и какие правила к ней следует применять сторонам. Как работать с письменными сделками прекрасно знают и в бизнесе, и в государственных органах и в судах.

По мнению некоторых авторов, со вступлением в силу указанных поправок, которые отдельно предусмотрели возможность использования смарт - контрактов в гражданском обороте, смарт-контракты получают более широкое применение на практике. Сейчас нет ограничений на заключение и исполнение смарт-контрактов, в том числе, поскольку ключевым элементом сделки является воля сторон[10].

На основании изложенного, прихожу к выводу, что сделки с использованием смарт - контрактов не требуют отдельного регулирования. Причём даже не обязательно давать им самим формальное определение и использовать термин «смарт-контракт».

Такой подход не позволяет общим правилам «расползаться» по специальным законам. Не порождает на практике ненужных споров о применимости к отношениям, которые не регулируются специальным законом.

Гражданский кодекс в п. 2 ст. 434 ГК РФ четко устанавливает, что договорные отношения между сторонами фиксируются в документе, который может существовать в бумажном или электронном виде[1]. Электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, отправленная, с помощью электронных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту. Федеральным законом от 27.07.2006 №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[4] закреплено положение, что электронные документы могут обрабатываться в информационных системах. Обеспечению защиты этих файлов-договоров посвящен Федеральный закон от 06.04.2011 №63-ФЗ «Об электронной подписи»[5], который гласит, что у участников сделки есть возможность подтвердить свои намерения исполнять обязательства с помощью электронно - цифровой подписи.

Происходит соединение договора, который переходит в информационную систему, и электронно - цифровой подписи, которая позволяет участникам этой системы юридически закрепить обязательства. Далее информационная система самостоятельно, согласно алгоритму, обеспечивает исполнение обязательств с учетом событий внешнего мира.

Сложившаяся судебная практика по сделкам с использованием смарт - контрактов подтверждает изложенные выводы. Так, Арбитражный суд Омской области (Дело №А46-4990/2019) вынес решение от 27 мая 2019 г., которым официально признал легитимной сделку по продаже нефтепродуктов с использованием технологии распределенного реестра. В решении отмечено, что «дополнительным соглашением к договору о порядке заключения приложений к договору поставки в электронной форме от 30.08.2018 стороны согласовали возможность составления и подписания приложений в соответствии с п. 1.2. договора в виде электронного документа (блокчейн-контракта) (п. 2 дополнительного соглашения). Подписание сторонами блокчейн-контракта осуществляется путем обмена информацией в электронном виде, подписанной простой электронной подписью стороны (п. 9 Дополнительного соглашения)»[7].

Решение было принято в ходе судебного процесса, участниками которого выступили нефтетрейдинговая компания ООО «Петролеум Трейдинг» и его клиент ООО «Ликом». Стороны заключили дополнительное соглашение к договору поставки нефтепродуктов, который предусматривал порядок заключения приложений к договору в электронной форме. Стороны согласовали возможность «составления и подписания приложений в виде электронного документа (блокчейн-контракта): официальным предложением со стороны поставщика подписать приложение на поставку товара

(офертой) является направление с официальной электронной почты поставщика на официальную электронную почту покупателя сообщения, содержащего предложение приобрести товар на обозначенных в сообщении условиях».

Ответчик возражал против заявленных исковых требований, поскольку полагал, что сторонами в приложениях не были согласованы условия поставки, в том числе касающиеся применения ответственности за нарушение сроков поставки товара, так как истцом не были предоставлены доказательства получения оферты ответчиком и положительного ответа на нее.

Однако в подписанном дополнительном соглашении к основному договору это было предусмотрено: «Стороны предусмотрели, что молчание является акцептом, и признается согласием покупателя с поставкой товара на предложенных условиях. В случае, если покупатель не заявил ответным письмом отказ от подписания приложения в срок, акцепт приложения в электронной форме (блокчейн-контракта) считается полным и безоговорочным».

Соответственно, поскольку ответчик не заявил об отказе от подписания направленных на его электронную почту приложений к договору, указанные приложения были им акцептованы полностью и безоговорочно[7].

Объем самого иска был небольшой (задолженность в размере 40 239,15 руб. и пени 43 356,54 руб.), но даже мелкое по суммам судебное решение может иметь значительный юридический резонанс, поскольку это первое судебное решение, подтверждающее законность заключения сделок через блокчейн с помощью смарт-контрактов и электронной цифровой подписи.

Это, безусловно, важное историческое событие на пути цифровизации экономики. Как мы видим, смарт-контракты применяются в России даже в отсутствие специального регулирования, что в целом объяснимо диспозитивностью гражданского права. Существующего законодательства вполне достаточно, чтобы внедрять инновации в промышленном масштабе.

Внедрение электронных договоров идет по всему миру. Смарт-контракты, как и сама технология блокчейн, прочно вошли в корпоративную среду, во всем мире количество компаний, внедривших это решение в бизнес-процессы, исчисляется сотнями, если не тысячами: от нефтегазовых гигантов, как BP и Shell, до крупнейших финансовых институтов, как JPMorgan Chase, Mastercard и Bank of America.

На отечественном рынке среди крупнейших корпораций давно присутствуют игроки, которые либо экспериментируют, либо уже внедрили смарт-контракты в промышленную эксплуатацию. Альфа-Банк, «Газпром нефть», «Россети», Сбербанк, S7 Airlines, РЖД, «Дикси», «Первоуральскбанк» – это только малая доля отечественных компаний, которые так или иначе работают со смарт-контрактами.

В России создаются и функционируют юридические технологические компании, оказывающие уникальные на российском рынке услуги в области юридических технологий. Так, юридическая компания «Симплоер» исследует машиночитаемое законодательство, самоисполняемые нормы, пределы автоматизации права и другие вопросы на стыке права и технологии. Компании принадлежит заслуга разработки концепции автоматизации права, ряд ключевых идей которой вошли в программу правового регулирования цифровой экономики[9].

В конце 2017 в Симплоере появляется новая профессия на юридическом рынке – юридический инженер, который консультирует бизнес и юристов по автоматизации правоотношений и юридических процессов, разрабатывает бизнес-решения на основе смарт-контрактов.

В рамках направления по развитию технологии распределенных реестров Ассоциации развития финансовых технологий, учрежденной Банком России и

крупнейшими участниками финансового рынка, реализуются пилотные проекты по проведению операций с цифровыми банковскими гарантиями, цифровыми аккредитивами и электронными закладными. Указанные проекты предполагают использование смарт-контрактов, в том числе реализованных на отечественной платформе Мастерчейн, основанной на технологии распределенных реестров[8].

Законодательная и технологическая базы готовы к переходу компаний на умные договоры. Крупные корпорации уже несколько лет тестируют смарт-контракты в бизнес-процессах. Это повышает прозрачность, сокращает финансовые и временные издержки. Доступность технологии позволит быстро расти новому рынку в ближайшие годы.

По данным Dune Analytics, количество новых смарт-контрактов в сети Ethereum в марте 2020 года достигло почти 2 млн во всем мире, что на 75% больше, чем в феврале этого же года. По мнению экспертов, 2021 год будет прорывным по числу применений умных договоров[9].

Как итог, с появлением профильного законодательства в области блокчейн, направленного на развитие цифровых технологий на российском рынке, смарт-контракты уже сейчас можно встроить в российскую правовую реальность. Регулирования для этого достаточно.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.03.2021);
2. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 №259-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 23.03.2021);
3. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 23.03.2021);
4. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 25.03.2021);
5. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 №63-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 25.03.2021);
6. Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах» от 25.01.2018 (№419059-7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения 22.03.2021);
7. Решение Арбитражного суда Омской области от 27.05.2019г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b03f81e7-c92b-4f0a-b0fb-4b7d125ef6a3/1a879742-c2ce-4dd9-a893-9a5a3158e6d1/A46-4990-2019_20190527_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 13.03.2021);
8. Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf (дата обращения 18.03.2021);
9. Вашкевич А. М. Смарт-контракты: что, зачем и как. — М.: Симплоер, 2018 — 89 с.
10. Дядькин Д.С., Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2018. № 5(50). URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (дата обращения 18.03.2021);
11. Юрасов М.Ю., Поздняков Д.А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smartkontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения: 15.03.2021).